

Лу Це с улыбкой на губах, с мрачным взглядом, уставленным в одну точку, произнес:

— Некоторым вещам, господин, тоже стоит учиться решать самому. Способности господина Гуаня, начальника Управления, ограничены, и неизвестно, сколько времени он ещё сможет вам помогать. Уже поздно, господин, отдохните пораньше.

— Да-да-да, — произнес господин Шангуань, и в его голосе слышалась дрожь. Он только и мечтал поскорее проводить этого господина.

После этого он одна за другой отправил три группы людей на поиски Гуань Мяня, но все вернулись ни с чем.

Дело было поистине странным. Господин Шангуань, полный тревоги, невольно вспомнил слова, только что сказанные Лу Це, и его старое лицо мгновенно побледнело. Вспомнив слова старого друга при выезде из города, он вздохнул, и выражение его лица стало ещё более неприятным.

Его лицо вдруг изменилось, он отозвал посланных на поиски подчинённых и замолчал, больше не поднимая эту тему, заложив руки за спину, вернулся в свои покои.

На следующий день, отправляясь в путь, господин Шангуань увидел, что в обозе освободилось одно место, а затем взгляд его упал на последовавшего за ними молодого человека. Тот взгляд был полон свирепости, как у одинокого волка, всё его существо словно заключено в ледяную скорлупу, все эмоции — радость, гнев, печаль, веселье — покрыты слоем черноты. Только тогда господин Шангуань понял, что дело решено, и это уже не то, что он мог бы изменить.

Он намеренно немного задержался, увидев, что Лу Це сидит в повозке, выглядит беззаботно, словно не придаёт этому делу значения. Его сердце окончательно упало, и он мрачно произнёс:

— В путь.

* * *

Обоз, несясь без остановок, достиг Шэнцзина.

Чиновники, прибывшие для встречи, разместили всех в Приказе Хунлу. После отдыха были поданы визитные документы, и затем последовали приготовления для аудиенции у чуского императора.

В столице уже давно пронюхали о слухах. С того момента, как обоз Великой Чжоу въехал в город, он привлек пристальное внимание со всех сторон. Едва группа разместилась в Приказе Хунлу, как снаружи количество шпионов, подсланных различными сторонами, увеличилось больше чем наполовину.

Намерения Сима Чжао очевидны для всех.

Однако тот, о ком люди больше всего хотели знать, с момента въезда в резиденцию заперся в своей комнате, плотно задрнув занавеси, не оставив внешнему миру ни малейшей возможности подглядеть.

За городом, в зелёном лесу, ветер пронёсся, вздымая волны. Жуань Дао сидел на толстом стволе дерева, скрестив руки на груди, притворяясь спящим. Раздался лёгкий звук, и он внезапно открыл глаза. На пустом месте рядом приземлился почтовый голубь.

Жуань Дао перевернулся и спрыгнул вниз, снял с лапки голубя шарик с лекарством и маленький свёрток с запиской. Положив вещи в парчовый мешочек, он огляделся по сторонам, а затем бросил и отпустил обратно этого полностью белого почтового голубя.

Он очень быстро вернулся обратно. Как раз к Приказу Хунлу подошла группа чиновников, больших и малых. Возглавлявший их человек, излучающий свет и луну, в разговоре с господином Шангуаньем непринуждённо беседовал и смеялся. Чуть позади него шёл человек, весь пронизанный холодной сдержанностью, производящий впечатление, на которое не решаются смотреть прямо. Это был страх, рождающийся в сердце сам собой. Жуань Дао, замедлив шаг на несколько мгновений, услышал их разговор и узнал, что возглавляющий — не кто иной, как наследный принц Великой Чу.

Жуань Дао не разбирался в отношениях между этими людьми, мельком взглянул внутрь, затем обошёл задний двор, выбрал другую дорогу и перепрыгнул внутрь.

В тот момент, когда он двинулся, Фу Чэнцы, казалось, почувствовал что-то, обернулся и посмотрел назад, его взгляд прямо упал на то место, где только что стоял Жуань Дао, выражение лица стало суровым.

Проворный и ловкий, Жуань Дао прямо побежал в гостевую комнату, где находился Лу Це.

Дверь была заперта. Жуань Дао постучал и подождал некоторое время, прежде чем голос того наконец неспешно раздался:

— Вхожу.

Его голос был очень тихим, непроизвольно протяжным, словно густой туман, который невозможно развеять, обволакивающим слух.

На пути в Великую Чу лето уже сменилось, сейчас как раз наступал сезон осени.

В Шэнцзине климат сухой, хотя наступила осень, по-прежнему душно и жарко. Лу Це, кутаясь в плащ, подошёл открыть дверь, снаружи ворвался лёгкий ветерок, а за ним последовал приступ сильного кашля.

Они задержались в пути на некоторое время и не смогли вовремя получить противоядие, переданное Государственным наставником. Опоздание составило всего три дня, но теперь все меридианы в его теле ныли и болели, словно мириады муравьев грызут кости, в горле быстро распространился сильный металлический привкус, затрагивая все четыре конечности и сотни костей.

Жуань Дао, увидев кровь, выступившую в уголке его рта, зрачки его резко сузились. Он поспешил поддержать человека и усадить на стул. Проглотив противоядие, при следующем вдохе металлический привкус лишь немного подавился.

После того как приступ боли прошёл, он открыл принесённую Жуань Дао записку. Пробежав глазами, уголки его губ искривились в насмешливую улыбку, и с ледяным выражением лица он скомкал бумажку в ладони.

— Заставлять такое больное и немощное тело, как моё, работать на него — это действительно слишком высокая честь для меня.

* * *

А ночью, далеко в городе Линьчжан, мелкий вор обокрал усадьбу местного богача, перевернув всё вверх дном, карабкался по карнизам и скатывался с крыш, наслаждаясь свободой.

Он остановился у развалившегося отхожего места, чтобы справить малую нужду, как вдруг неожиданно услышал стон.

Затем при лунном свете он увидел, как в траве раздаётся шорох. Потуже подтянув за спиной свою драгоценную ношу, он свистнул и поправил штаны.

Направился к тому месту в траве, откуда доносился звук. Лунный свет был жутковатым, но это был единственный источник освещения.

Вор набрался смелости и зашёл внутрь. Увидел, что позади отхожего места, прислонившись, лежит человеческая фигура. Недавний звук, стон, тоже издал он.

А шорох издавали пробежавшие мимо потревоженные тараканы и крысы.

Он не пошёл вперёд, а спросил:

— Брат, интересное у тебя развлечение — ночью тут нюхать запах дерьма?

Тот, казалось, не мог говорить, услышав его голос, мычание и крики стали ещё громче, очень пронзительными.

Вор обошёл и подошёл ближе. Взглянув, он тут же издал крик:

— Боже правый, привидение!

Этот шум потревожил ночного сторожа. Сторож, следуя на звук, пришёл и тут же перепугался до полусмерти, бросил фонарь и побежал докладывать властям. Когда прибыли чиновники, яркий свет их факелов осветил окрестности.

Позади отхожего места буйно разрослась трава, распространяя неприятный запах. Все также услышали доносившиеся оттуда странные мычащие звуки. Это ещё ничего, но один из стражников, подняв факел и взглянув, едва не выронил его из рук, зажал рот и нос и присел рядом, чтобы вырвать.

Они увидели, что лежащий человек прислонился к деревянной доске, сухожилия всех четырёх конечностей были перерезаны, особенно раны на ногах были глубокими, до кости. Оба глазных яблока представляли собой кровавое месиво, чёрная запёкшаяся кровь образовала комки, что было очень жутко.

Язык был отрезан одним ударом и брошен рядом, он мог издавать только мычащие звуки. Рядом валялись трупы крыс и муравьёв, издавая зловоние. Очевидно, эти несколько дней этот человек питался этими тварями, чтобы не умереть с голоду.

Сун Шуюань, прослышав, тоже пришёл. Увидев эту картину, он едва не лишился чувств.

Забрав человека обратно, тот ещё не испустил дух, в нём оставалось немного жизни. Позвали лекаря, тот покачал головой и с сожалением сказал:

— Прикидываю, дня два осталось, и жизнь его оборвётся.

Лу Це, задувая на чай, сделал паузу, над поверхностью мгновенно поднялось облако пара.

— Ещё дня два?

Жуань Дао кивнул:

— Да! Если Гуань Мянью захочет выжить и согласится есть крыс и муравьёв по соседству, то ещё дня два — и его жизнь оборвётся. Если же будет упорно терпеть голод и умрёт от него, то, боюсь, гадкий запах тоже заставит людей его обнаружить.

Лу Це отхлебнул глоток обжигающего чая, кончик языка неожиданно обжёгся, от боли он аж присвистнул. Спустя мгновение он тихо цыкнул и сказал:

— Что ж, пусть будет так. Через два дня сходишь разок в Линьчжан. Умрёт — так умрёт, если не умрёт — подожди, пока умрёт, затем сообщи об этом господину Шангуаню. По возвращении захвати с собой его останки, по крайней мере, нужно дать душе вернуться на родину, не так ли?

Все его болезни и раны были дарованы ему Гуань Мянью. Сказать, что не ненавидит — конечно, неправда. Сказать, что ненавидит — но все они пешки, так кого же ненавидеть?

Позволить душе вернуться на родину — это уже последняя милость, которую он мог оказать Гуань Мянью.

Пробыв в Приказе Хунлу три дня, тело Лу Це на семь-восемь десятых оправилось от дискомфорта пути. Кроме первого дня, когда к Лу Юю приходило множество посетителей и у ворот было не протолкнуться, в остальное время у ворот было пустынно, воробьи могли расхаживать.

Если бы не чиновники свиты, ежедневно приходившие с визитами, господин Шангуань мог бы подумать, что Великая Чу совсем забыла об их группе.

Господин Шангуань нашёл Лу Це, его старое лицо расплылось в сдержанной улыбке:

— Господин Лу, не хотите ли прогуляться вместе?

Возможно, подействовал успокаивающий эффект ароматического мешочка, сейчас Лу Це чувствовал сильную лень во всём теле. Жуань Дао ушёл в Линьчжан, рядом с ним никого не было, и двигаться ему было ещё ленивее.

К тому же столица — место, полное сплетен и интриг. Сейчас у него нет ни родных, ни близких. Если случится беда, зрителей, пришедших посмеяться, может набраться столько, что не протолкнуться, а тех, кто бросится помогать, возможно, не найдётся и одного на всю огромную столицу.

В таком положении зачем же самому искать неприятностей?

* * *

[Фу·Бастард·Чэнцы скоро появится]

[Неожиданно немного понравился Чжоу Таньинь]

[Благодарю за прочтение]

[Оставьте комментарий, поднимите ваши знамёна]

[Можно просто отправить хахаха]

|

<http://bllate.org/book/15603/1392830>